

*Н.Е.Покровский,
доктор социологических наук,
Государственный университет -
Высшая школа экономики*

**Посмотри, кто к нам пришел!
(Неизбежность странного
мира глобализации)**

Что же происходит в России начала XXI века? Грядет ли испепеляющий кризис, сметающий на своем пути социальные структуры, либо перед нами раскрывается перспектива "тихого" погружения на дно современной цивилизации при сохранении некоей внутренней умиротворенности?

Как ни странно, но новое состояние российского общества более или менее сбалансировано и, по существу, поддерживается властными структурами мировой глобализации, казалось бы, столь далекими от нас. Говоря проще, весь мир развивается по схожим схемам, но со своими вариациями. В этом смысле Россия не исключение, а лишь инвариант общего состояния мирового сообщества.

В России наблюдаются не замедленные процессы адаптации к общемировым изменениям, но, напротив, в силу значительной ос-

лабленности социальной структуры российского общества, активно реализуют себя большинство глобалистических тенденций в их яркой "гибридной" форме.

В этом смысле российское общество в большей степени, чем достаточно стабильные западные (общества), подвержено влиянию этих тенденций и выступает в качестве своеобразного "испытательного полигона", на котором апробируют себя те тенденции, которые лишь в будущем полностью проявят себя в глобальном пространстве. Причем многие традиционно "негативные" и ненормативные процессы приобрели у нас совершенно иную окраску.

Весьма примечательно, что культурные гибриды получили в России конца 90-х годов небывалое распространение. Однако в отличие от стабильных западных обществ, где указанные феномены пока еще ограничиваются и регулируются рационально-традиционными социальными институтами, в условиях российской нестабильности эти феномены проявляются сполна. Есть немало оснований предполагать, что заявляющая о себе новая, а пока еще отчасти девиантная гибридизированная культура вскоре превратится в базовую. В этих условиях традиционные фундаментальные ценности культуры российского общества (в мегаполисах и больших городах особо заметно) явно оттесняются на обочину.

Там они могут стать (возможно, не исчезнут окончательно, а станут) основой различных субкультур. Соответственно будут существовать и замкнутые сообщества (группы), их поддерживающие (по аналогии с "монастырской парадигмой" Т.Розака).

Возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия, но не только в виде создания разного рода депозитариев памятников и документов культуры (хотя и их тоже), а прежде всего в качестве "хранилищ" живых ценностей, в том числе и в их деятельностных вариантах. Этому могут служить различные микрообщественные организации, группы, движения и т.д., которые создают свои сети взаимного общения, хотя и не находящиеся на авансцене трансформирующегося социума.

В отечественной литературе не высказывалась идея относительно особого "испытательного" и экспериментального характера современной российской культуры под углом зрения глобалистских подходов. Мы же полагаем такую идею правомерной, что позволяет по-иному оценить процессы, происходящие в России в области культуры и, в частности, с точки зрения западного наблюдателя. Под таким углом зрения Россия предстает не как отсталая и почти "варварская" периферия высококультурного Запада, но как социум, в котором имеет место предвосхищающее развитие глобальных тенденций, сколь бы настораживающими они ни были.

По-видимому, здесь образуется эффект своеобразного резонанса на ломку правил, культурных стереотипов, неизбежных в

постсоветских трансформациях, так и интеграции страны в глобальную миросистему.

Дискуссии о глобализации набирают обороты в российском общественном сознании. Наше научное сообщество словно очнулось от сна и обнаружило, что на дворе настала глобализация. И теперь всяк в силу своего разума желает высказать свое суждение по поводу этого загадочного явления. Между тем в зарубежных социальных науках уже не менее 10—12 лет идет интенсивнейшая дискуссия о глобализации, породившая сотни книг самого различного калибра.

Это, однако, чаще всего остается за пределами внимания российских участников глобализационных дискуссий. Обычно речь идет о *чисто эмоциональной* и даже "взрывной" оценке нового состояния мира с позиций "взгляд и нечто" или же того, насколько это плохо и неподходяще для России *в принципе*. Российский глобализационно/антиглобализационный дискурс имеет в основном историософский и парасоциологический характер: он не в полной мере опирается на взвешенный рационалистический анализ, лишенный априорной ценностной нагрузки, а, напротив, апеллирует к "сердцу" и использует художественно-публицистические формы исполнения (образы и мифологемы).

Однако объективная ситуация достаточно серьезна. Глобализация не только стоит у ворот России, но она (глобализация) в эти ворота уже вошла, не спросив на то разрешения. Поэтому дискуссии о глобализации — это обсуждение не того, что может или не может быть, а того, что уже есть и требует объяснения.

1. Концептуальное разнообразие подходов к проблеме

Основу обыденных взглядов на глобализацию, как правило, составляют представления об объединяющейся и интегрирующейся земной цивилизации, охватывающей в своей экспансии уже и околоземное пространство и преодолевающей различного рода границы — культур, государств, социальных неравенств, а также расстояния в чисто физическом смысле. Мир становится компактным, доступным, прозрачно-просматриваемым, а части его — тесно взаимозависимыми. Это касается экономики, политики, технологий, экологии, нравственности и всех иных сфер интересов современного человечества. Высказывание *"The world is so small!"* ("Мир такой маленький!") точно выражает саму суть подобных умонастроений.

Между тем с научной точки зрения вопрос о смысле глобализации, ее характере и значении далеко не столь однозначен. По сути дела, существует много (или, по крайней мере, несколько) интерпретаций процессов, скрывающихся за термином "глобализация".

Глобализация как линейный процесс. "Линейные" представления о глобализации подразумевают такие объективные и самоочевидные проявления общемировых тенденций, как расширение,

углубление, увеличение интенсивности мировых *интеграционных процессов* без радикального изменения их внутреннего содержания и качества. Согласно этому подходу, мир экстенсивно ("линейно") наращивает современные его особенности и тем самым преодолевает противоречия, связанные с разобщенностью человечества. В этом смысле практически все глобальное априорно несет положительные черты — в экономике, политике, культуре, информатике/коммуникациях, защите окружающей среды.

Транснациональные корпорации (ТНК). Наиболее часто используемым примером, скорее даже общемировым феноменом, обозначающим возникновение глобальной реальности, стали транснациональные корпорации, получившие наименование "*stateless corporations*" (т.е. корпорации вне государственных рамок). Подобные корпорации практически утратили национальную идентичность и, охватывая целые континенты, стали явлением глобального масштаба. Считается, что ни одна крупная экономическая инициатива в современных условиях не может реализоваться исключительно в рамках одного национального государства и даже государства как такового.

Подобный абсолютистский взгляд на ТНК нередко приводит к утверждению неизбежности возникновения глобальных социоэкономических сил, под которыми имеют в виду ТНК — новую реальную силу мирового масштаба, обладающую и управляющую гигантскими экономическими, политическими, военными ресурсами. В связи с этим отмечают три тенденции: а) рост обобществления национальных экономик посредством "глобализации капитала и производства"; б) новое мировое разделение труда, все более и более приобретающее наднациональный характер; в) радикальная глобализация средств массовой информации и форм потребления.

Глобальные риски. Указанные явления экстенсивного роста глобальной экономики развиваются на фоне существования и даже обострения общемировых проблем, также приобретающих глобальный характер. К их числу относят, прежде всего: а) неконтролируемый рост населения; б) отсталость социально-экономического и культурного развития многих стран; в) проблемы образования (продолжающееся абсолютное увеличение численности неграмотных); г) неконтролируемый рост городов; д) отставание развития систем здравоохранения и выход из-под контроля ряда болезней, имеющих массовый характер; е) нерешенность продовольственной проблемы; ж) сокращение невозобновляемых природных ресурсов; з) сохранение военной угрозы; и) обострение угрозы мирового терроризма.

Все указанные проблемы уже давно переросли рамки отдельных стран и превратились в *общецивилизационные*. Притом процессы экстенсивного роста экономики, основанной на ТНК, самым непосредственным и часто причудливым образом переплетаются с перечисленными глобальными проблемами, в одних случаях способствуя их решению, а в других — усугубляя их остроту.

Обсуждаемая модель "линейной глобалистики" чаще всего используется в популярных средствах массовой информации и таким образом глубоко внедряется в массовое сознание.

Альтернативы линейного подхода. Сторонникам линейной модели было бы резонно задать один вопрос: неужели можно предполагать, что при столь крупномасштабных изменениях, объективно происходящих в мире, сами общества останутся более или менее неизменными, а равно и устройство жизни этих обществ не претерпит столь же радикальных изменений, включая личностный уровень, уровень повседневности и пр.? Иными словами, глобализационные процессы, по всей видимости, должны вносить некие изменения во все структуры и институты общества. Короче, мы входим в новый мир, и в этом мире многое, если не все, обладает чертами явной или скрытой до времени новизны.

В связи с этим современная социальная теория предлагает ряд концепций, которые отвергают линейную схему рассмотрения мировой реальности, но акцентируют достаточно *новые качественные характеристики* этой реальности и ее социологической интерпретации. Имеются в виду четыре концептуальные модели: "миросистемная" модель, модель глобальной культуры, концепция глобального сообщества ("глоболокализм") и модель глобальной системы.

"Миросистемная" модель, развиваемая известным американским социологом И.Валлерстайном на протяжении последних как минимум 20 лет, по определению, должна иметь глобальный характер (хотя сам ее автор уклоняется от использования этого термина). В первую очередь имеется в виду экономическая мировая система ("капиталистическая мирэкономика"). Валлерстайн указывает на наличие в мировом разделении труда стран, принадлежащих к трем различным "кругам": а) экономическое "ядро" мировой системы; б) "полупериферия"; в) полная "периферия". Причем границы этих трех зон мировой экономики находятся в движении и перемещаются в геополитическом пространстве. В качестве главного фактора мировой политики теория Валлерстайна выделяет борьбу сверхдержав за мировое господство, а в области культуры делает упор на взаимодействии "культурных цивилизаций" и их стремлении занять господствующее положение.

Примечательно, что, несмотря на свой "миросистемный" радикализм, подход Валлерстайна не порывает с концепцией национальных государств, предлагая лишь соответствующим образом объединять их в три указанные выше зоны. Так или иначе, границы между государствами или "зонами" остаются.

Главные направления концепции глобальной культуры. — это потребительство, мировой туризм, мировые культуры и религии, культура постмодернизма. Представители этой школы, признавая развитие транснациональных культурных процессов, вместе с тем, отказываются безоговорочно стать на позиции "глобального опти-

мизма" (по принципу "чем больше глобального — тем лучше"). Напротив, они считают, что тотальное распространение телевидения и других средств коммуникаций не приводит к тому, что М.Маклюэн назвал "глобальной деревней" — аналогом современного глобального сообщества, основанного на идентичных культурных образах (icons) и потерявшего свое местное, национальное начало. По мнению сторонников концепции "глобальной культуры", происходит взаимное перемешивание национальных культур при сохранении их собственных "слоев", словно в коллоидном химическом растворе. В результате возникает качественно новое состояние культуры, которая лишена внутренней системности и центров опоры. Возобладают фрагментированные сегменты, хаотично сочетающиеся (или не сочетающиеся) друг с другом.

На протяжении последних десяти с лишним лет она разрабатывается на страницах журнала-альманаха "Теория, культура и общество" (*Theory, Culture and Society*), редактируемого М.Феверстоном.

В рамках указанного подхода утвердилось понятие "глобализм". Идея его состоит в том, что в контексте глобальных тенденций территориальные общности обретают совершенно новые качества. И потому известная формула "*To think globally but act locally*" (Мыслить глобально, но действовать непосредственно на местном уровне) в теоретико-социологическом смысле становится вполне адекватной.

Концепции глобального общества. Несколько теоретико-методологических подходов (моделей), принадлежащих данной ориентации в глобалистике, в большей степени делают акцент на международных отношениях, чем на социологии как таковой. Исходной точкой построения подобных моделей служит утверждение, что как бы мир ни глобализировался, он все же состоит из отдельных государств и, соответственно, самостоятельных культур. Однако эти национально-государственные образования в процессе взаимодействия вырабатывают некую транснациональную систему взаимосвязей и взаимоотношений.

Идеальный тип современной глобализации включает следующие феноменологические компоненты: а) *всеохватность и комплексность изменений при переходе к глобальной стадии* (меняются все параметры социальных структур, и сама изменчивость, "пластичность" становится главной позитивной ценностью); б) *априорное доминирование всех глобальных ценностей и ориентиров* по отношению к местным (локальным) ценностям, включая и этнический фактор, который элиминируется; в) *гибридизация культуры*, т.е. процесс быстрого составления (часто искусственного) культурных феноменов из прежде несовместимых составных частей; г) *раскрепощение и акцентирование "глубинных"* (докультурных, доцивилизационных) феноменов; д) *решительное изменение ориентации рацио-*

нальности от "модерна" к "постмодерну" с его акцентом на мозаичность и внутреннюю несвязанность восприятия и конструирования социальной реальности; е) *признание гражданского общества* единственной формой упорядоченности глобального социума.

Данная теоретическая модель разработана с опорой на методические принципы М.Вебера, К.Маннгейма и Дж.Ритцера. При этом происходит создание новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системе рациональности, связанной с традиционной культурой.

Каковы же общие свойства большинства представленных выше глобалистских моделей с точки зрения содержащихся в них матриц?

А. Всеохватность и комплексность изменений. Прежде всего теория глобализации подчеркивает, что основной упор должен быть сделан не на рассмотрении отдельных "траекторий" социальных изменений в тех или иных сферах, а на взаимодействии этих изменений друг с другом, их переплетении и взаимополagании. Это подразумевает развитие доминирующего внимания социологов к пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальной всеохватности. Процесс изменений проникает во все микроструктуры общества (семья, малые сообщества, повседневность) и разгерметизирует прежде герметичные социальные образования. Быть замкнутым на себе и скрытым от внешнего мира сегодня означает закрыть свое собственное будущее. Любые формы социальной динамики связаны в первую очередь с открытостью систем, образующих сетевые структуры общения, поддержки и социального контроля. Характер социальных изменений влечет за собой изменение восприятия социального времени. Отныне траектория социального времени раскладывается на серию отрезков, каждому из которых соответствует отдельный жизненный "проект", достаточно краткосрочный. После окончания очередного проекта возникает новый, часто радикально меняющий ориентацию траектории развития. Подобная краткосрочная экспериментальность социальных практик пронизывает все уровни социальной структуры. Даже такие традиционные институты, как, например семья, превращаются на наших глазах в *экспериментальный проект* для вовлеченных сторон. Все начинает иметь временный характер и требует от субъектов большой и специфической динамики "вписывания" в эту краткосрочность.

Б. Противопоставление глобального и локального. Другой аспект глобализации основывается на рассмотрении тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких "локальных" ценностей, как традиции, обычаи, привычки, местные сообщества и др. Короче, новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консер-

вативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс "отказа" от "старого" идет быстро, решительно, зримо. Всякое "новое" обладает, по мнению сторонников этой теории, заведомым преимуществом, поскольку оно "глобальное". Из этого в принципе следует, что "глобальное" приобретает статус высшей нормативной ценности. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости проходить всю вертикальную иерархию, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глоболизируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах. На первый взгляд, парадоксально в этой ситуации то, что локальные структуры могут сохранить себя только в том случае, если они начинают образовывать сетевые связи, имеющие тенденцию к глобализации *на своем уровне*. Значение вертикальных иерархий резко снижается. Информация, финансирование, помощь приходят по сетям с горизонтальных уровней, а не "сверху". Все уровни при этом дистанцируются друг от друга и живут самостоятельной самодостаточной жизнью. Разочарование электората в макрополитике — хорошая иллюстрация к этому тезису. Аналогичные процессы роста *взаимного равнодушия* между вертикальными уровнями *где бы то ни было* имеют место повсеместно и отражают развивающуюся тенденцию.

В. *Множественность гибридов в области культуры*. Теория глобализации радикально изменяет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась преимущественно как нечто либо наследуемое, либо спускаемое "сверху" и "распространяемое". В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса "конфликтности" (politicized contestation). Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных "социокультурных гибридов", с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Г. *Тенденция ослабления национально-государственного фактора* в его культурном измерении. Теория глобализации последовательно выступает против социетализма, с одной стороны, и национализма — с другой. Что касается последнего, то в понятие "национализм" отныне включаются такие феномены, как национальные государства-страны, национальные социокультурные традиции, национальные типы сознания и т.д. Национально-государственный фактор несомненно сохраняется (в том числе и в виде отдельных государств, правительств и пр.), но он перестает как быть определяющим для всего общества, так и доминировать над ним. Общества начинают образовывать свои конгломерации, имеющие сквозные горизонтальные структуры.

Д. *Примордиальные (primordial) феномены и гражданское общество*. Своеобразный поворот получает и тема "гражданское об-

щество" в связи с приложением к ней теории глобализации. Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся "примордиальные" феномены, близкие по своему характеру к фрейдовскому *Id* и мидовскому *I* и проявляющие себя в контексте этнического начала, расы, пола, занимают все более важное положение в глобализируемых процессах и институтах. Мозаичный набор социальных "типов" и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами — все это создает глобалистско-постмодернистскую картину социального мира.

Е. Новая концепция рациональности. Новые глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках "современного общества" по контрасту с "постсовременным обществом", порождаемым глобализацией. Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, то она и вырабатывает модели новой рациональности. При этом рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое частное проявление в "теории мультикультурализма" (*multi-culturalism*), т.е. в признании доминирования принципа полной мозаичности культурной "карты" той или иной региональной или профессиональной группы.

2. Есть ли для России альтернатива глобализации

Рассмотрение картин глобализации может вызвать у беспристрастного наблюдателя законный вопрос: есть ли альтернатива всему этому? Не свидетельствует ли этот новый наступающий или уже наступивший мир о бесконечной деградации цивилизации в сравнении с идеализированными образцами прошлого? И, наконец, может или должна Россия входить в систему глобализации?

По порядку на эти вопросы можно дать следующие ответы.

Глобализация есть комплексный и системный процесс, последовательно изменяющий все без исключения параметры социальной структуры общества. "Все без исключения" означает, что изменяются не только отдельные характеристики социальных институтов и процессов, но и их ценностная окраска, смысл и значение для людей. То, что нам сейчас представляется в глобализации "ужасным", "кошмарным", свидетельствующим о деградации, в системе иных ценностных координат, скорее всего, приобретет иной и, возможно, положительный смысл. (Так всегда происходило в истории при переходе от одной эпохи к другой. И в этом смысле глобализационная эпоха вовсе не оригинальна.)

Этот признак комплексной перенастройки всей ценностной структуры общества как раз и представляет наибольшую трудность для восприятия глобализации не только "населением", но и большей частью просвещенного сообщества. Проще говоря, люди не могут найти в себе силы, хотя бы в воображении, представить *иной* мир, входящий в мир традиционный и *трансформирующий* его на наших глазах не по отдельным параметрам, а *комплексно*. Это весьма часто воспринимается крайне болезненно, с неизменным внутренним противостоянием, а также и противостоянием внешним. Каждый из нас мысленно примеривается к новому миру: Есть ли в нем место лично мне? Смогу ли я приспособиться к нему, сохранив свой статус? На эти вопросы многие отвечают однозначно отрицательно. И в этом реальная проблема.

Но реальность, на мой взгляд, состоит в том, что альтернативы глобализации просто нет. Она не спрашивает нашего разрешения. Остановить глобализацию означало бы восстановить экономический, политический и культурный *status quo* 30-летней давности. Хотим ли мы этого? Можем ли мы представить себя в мире закрытых границ, чисто национальных экономик, авторитарных политических режимов, отсутствия мировых новостей по ТВ? Возможно, кто-то и ностальгирует по этому прежнему миру, но все без исключения понимают, что он ушел в небытие. А это означает, что пришла или приходит эпоха глобализации, притом не по частям, не по выбору, а комплексно, "в одном пакете" со всем, что она несет.

Высказанные суждения имеют непосредственное значение для российского общества.

Надежда на то, что здесь, в России, возможно сохранить некую резервацию традиционного (полуфеодального, недомодернизованного) общества, пребывающего в состоянии самозакисленной удовлетворенности, представляется совершенно несбыточной. *Ни одна проблема современного российского общества не может быть решена только с помощью обращения к прошлому, к истории.* Процессы глобализации, уже почти полностью втянувшие Россию в мировую экономику, политику и культуру, взорвут ее искусственно укрепляемые границы.

Многие социальные силы в традиционалистском сегменте российского общества, в том числе и в российской социологии, ощущают, если не на рациональном уровне, то на уровне интуиции и "языка сердца", неизбежность этого странного мира глобализации. Они понимают историческую ограниченность своего дальнейшего выживания в неизменном виде, но не находят в себе внутренних сил к изменению, - что чревато для них самыми невеселыми предчувствиями. Это в конечном счете и вызывает ожесточенное сопротивление идее глобализации на всех уровнях.

Говоря конкретно, есть два варианта дальнейшего развития России.

Вариант первый (сейчас в основном и осуществляемый). Развивать и воплощать в реальности иллюзию инаковости по отношению к глобализации, независимости от глобализации, избирательности по отношению к ней, ориентацию на ретроспективную традиционность и великие достижения великой империи, ушедшей в историю. Реализация этого варианта фактически приведет к тяжчайшим последствиям для всего российского общества, наступление которых не за горами.

Вариант второй (наименее популярный в современной России). Максимальная внутренняя мобилизация конкурентоспособных клеток российского общества с полным осознанием того, что только *полноценное* включение в мировой процесс даже отдельными скромными силами несравненно лучше, чем изоляция от этого процесса.

По всей видимости, других вариантов просто нет.

Мир глобализации — это не рай земной. Это новая общественная система, имеющая свои жестокие противоречия и конфликты. Раскрывая перед сообществами многие перспективы, глобализация одновременно требует совершенно иной перенастройки этих сообществ. Эта новая ситуация может быть взята под контроль (в том числе в России) лишь при условии ясного осознания, каков этот новый мир и на чем он зиждется.